

— Соноко, скорее сюда, этот напиток такой вкусный!

— Соноко, мы будем сестрами навек.

— Соноко, не плачь, я рядом...

— Жу Юнь, я уйду первой. Нынешняя битва — не более чем смерть. Семь кругов перерождения, я сама стала божеством, десять тысяч путей слились воедино.

— Жу Юнь, уходи скорее, мы проиграли. Пока ты жива, мы еще сможем возродиться...

В строгом и торжественном здании больницы города Бейка, в отделении интенсивной терапии, на кровати лежала ослепительно прекрасная девушка. Ее шелковистые волосы разметались по белоснежной подушке, словно нарисованные на картине.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем ее пальцы едва заметно дрогнули. Затем веки мелко затрепетали, и глаза медленно приоткрылись, пропуская внутрь тонкий луч света. Она изо всех сил пыталась прояснить сознание, вырваться из липкого хаоса.

— Как же болит голова, — тихо простонала она.

Девушка подняла руку и дрожащими пальцами коснулась виска. Наблюдавшая за ней медсестра тут же сорвалась с места и выбежала из палаты. Ее шаги в белой обуви гулко и часто застучали по полу.

В сознании девушки две совершенно разные памяти столкнулись, словно два бушующих потока. Одно воспоминание несло в себе отголоски древности: сцены сражений, где воины летали по небу и пронзали землю, невероятные силы, способные одним движением руки разрушать звездные реки... Второе же было четким и приземленным: знакомые лица, повседневные мелочи, недавние события. Они переплетались, сталкиваясь и сплетаясь с древними образами.

Разум превратился в поле боя, где воспоминания, подобно двум враждующим армиям, непрерывно атаковали друг друга. Она пыталась разобраться, что из этого правда, а что — иллюзия. Но при каждой попытке мысли тонули в водовороте, и она с отчаянием спрашивала себя: Кто я? Судзуки Соноко? Линь Жу Юнь?

Этот вопрос кружился в голове, как бесконечный вихрь. Линь Жу Юнь, ее прежнее я, казалась лишь далекой тенью, несущей тяжелый груз памяти.

Спустя долгое время она посмотрела на потолок, словно вглядываясь в звездное небо, и прошептала:

— Главный Бог оказался силен. Столько лет планирования пошли прахом. Что ж, имя Линь Жу Юнь осталось в прошлом. Прошлое нужно забыть. Теперь я — Судзуки Соноко.

Когда-то, на Голубой планете, еще до того, как попасть в пространство Главного Бога, она любила смотреть Конана, но все это было лишь дымом. На ее лице проступила решимость: она прощалась с прошлым, готовясь к новой главе.

— Раз уж я пришла в этот мир, то проживу его ярко. Отныне миром Конана буду править я, Судзуки Соноко.

Это не было пустым хвастовством — это было обещание самой себе.

— Ран, Хайбара, Мияно Акэми... теперь я буду вас защищать.

Придя в себя, она увидела перед собой волевою женщину. Несмотря на то что та уже перешагнула порог зрелости, в ней чувствовалась стальная хватка и решительность. Рядом стоял добродушный мужчина средних лет, чьи черты лица хранили отпечаток прожитых лет, придавая ему зрелое и спокойное обаяние. Позади них стояла красивая девушка в самом расцвете юности, похожая на нежный цветок. Ее прищуренные глаза напоминали полумесяцы, в которых искрился живой блеск.

Судзуки Соноко узнала их: это были Судзуки Томоко, Судзуки Сиро и Судзуки Аяко — ее нынешние мать, отец и сестра.

Судзуки Томоко невольно сжала кулаки. Казалось, она готова отчитать дочь, которую одновременно любила и на которую была в ярости. Она считала необходимым дать ей суровый урок, чтобы та больше не повторяла своих ошибок. Лицо Томоко помрачнело, в глазах вспыхнул гнев, а брови сошлись на переносице, образуя глубокую складку.

Она указала дрожащим пальцем на Соноко и заговорила строгим, прерывающимся от негодования голосом:

— Соноко, как ты могла ни свет ни заря отправиться в горы встречать рассвет? Сама по себе идея — пустяк, но ты ведь свалилась оттуда! Ты хоть понимаешь, как это опасно и как мы все перепугались? Ну что за ребенок... Я ведь постоянно твержу тебе быть осторожнее, ну что мне с тобой делать?

Грудь женщины тяжело вздымалась от волнения. Судзуки Сиро взял жену за руку и с мягким, но встревоженным выражением лица произнес:

— Томоко, успокойся, не нужно так горячиться. Посмотри, дочка еще совсем слаба, ей нужен покой. Даже если ты и хочешь ее отчитать, дождись, пока она поправится.

Говоря это, он слегка похлопал жену по плечу, пытаясь унять ее гнев.